

Умяв огромную, размером с чан, миску лапши с бараньей требухой и прикончив следом два кулька жареного хвороста-саныцы, Мао Сяофэй удовлетворенно погладил слегка округлившийся живот. Наелся он знатно — где-то на три четверти, а то и больше.

От придорожного лотка с цзунцы потянуло сладким, усыпляющим ароматом клейкого риса. Его взгляд тут же масляно блеснул.

— Ещё один цзунцы осилишь? — спросил Му Цаньшан.

Сяо Фэй с вожделением уставился на высившуюся на прилавке горку завернутых в листья цзунцы, но пробормотал с деланным сомнением:

— Думается мне, Фу Дун такого отродясь не пробовал. Мал ещё был, когда его к племенам варваров угнали.

Му Цаньшан подошёл к торговцу, и тот сразу расплылся в приветливой улыбке.

— Связку, — распорядился молодой генерал. — Обычный белый, сладкий и солёный. Сладкий и солёный разрежь напополам. Места найдутся?

Цзунцы с вяленным мясом и арахисом у этого безвестного уличного зазывалы пахли до умопомрачения. Густой, прокопчённый мясной дух мигом заставил Мао Сяофэя позабыть о набитом брюхе. Ему показалось, что ради такого деликатеса в желудке точно отыщется ещё пара свободных уголков.

Прикончив свою порцию, он заворожённо уставился на Му Цаньшана. Тот не торопясь придерживал пальцами наполовину развёрнутый глянцевого лист, бережно обмакивая белоснежный бок цзунцы в сахарный песок.

— И это тоже цзунцы? — удивился Сяо Фэй.

— Угу. В Цинси исконно только такие и жаловали. Это уж потом, когда из страны Верхней Ци хлынул люд, здешние приучились готовить солёные.

Тёмный багрянец распаренной унаби давно пропитал пухлые рисовые зёрна, отчего те порозовели, словно щёки застенчивой девицы. Мао Сяофэй непроизвольно облизал губы.

— Хочешь? — Му Цаньшан уже успел откусить кусочек и теперь с едва заметной усмешкой наблюдал за спутником.

Густой, приторно-сладкий аромат так и лез в ноздри. Сяо Фэй поглядел на перевязанные бечёвкой три цзунцы с разными начинками, которые они взяли для его приёмыша, перевёл

взор на кулёк с кунжутной присыпкой и в нерешительности прикусил губу.

— Мы с тобой уже целовались, к чему теперь эти нежности? — Взгляд Му Цаньшана весело заискрился, однако он всё же отломил ту часть, которой коснулся губами.

Только тогда Сяо Фэй принял угощение, щедро обваляя в сахаре и отправил в рот. Вкус у сладкого лакомства оказался совсем иным. Но стоило покончить с десертом, как Мао Сяофэй понял: всё, предел. Из-за сытости его покачивало при каждом шаге.

— Эх, сейчас бы ещё винца глоток... — шумно рыгнув, Сяо Фэй принялся шарить глазами по сторонам.

А у Му Цаньшана внутри всё так и горело от подступающего жара.

— На этой улице хмельного не сыскать.

— С чего ты взял? — насупился Сяо Фэй. — Сам ведь тут впервые бродишь!

— Знаю и всё. К тому же вредно на ночь так набивать утробу. Пора возвращаться.

Над улицей вовсю шумело гулянье. Зазывалы зажигали расписные бумажные фонари, другие торговали при тусклом свете масляных плошек, а кому одной не хватало — палил сразу несколько.

— Ну и шумно у вас, — протянул Сяо Фэй. — И до каких пор веселье?

Вдруг до его ноздрей донёсся густой, манящий винный дух. Мао Сяофэй вмиг подобрался всем телом и завертел головой, выискивая источник аромата.

— Сегодня пятнадцатый день луны, так что гуляют до первой стражи, — отозвался Му Цаньшан. — Пойдём обратно, Старший брат Сяо Фэй. Ноги-то держат? Если зашатаешься, могу на спину закинуть.

Сяо Фэй презрительно шмыгнул носом:

— Ишь чего удумал! С чего бы мне не дойти? Я чай не жирдяй какой.

Сам он при этом был тощ как бамбуковая жердь, разве что обожравшееся брюшко теперь заметно выпирало. Парень набрал в грудь воздуха, с силой втянул живот и пару раз провёл по нему ладонью, укрощая сытость.

— И кто тут заливал, будто вином и не пахнет? Вон же оно!

Сяо Фэй рванул напрямик к винной лавке — крошечной, невзрачной конурке, которую с улицы напрочь загораживал лоток торговца мучными игрушками.

Внутри лавчонки царил полумрак: хозяин не удосудился зажечь даже светильника. Из угла жаром пыхала жаровня с рдеющими углями, бросая багровые отсветы на лицо лавочника — сухонького старика.

Сяо Фэй заговорщически пихнул локтем Му Цаньшана.

Молодой генерал нехотя достал кошель:

— Лучшего вина. Налей пол-цзиня.

— Всего пол-цзиня?! — вытаращился Сяо Фэй, едва не подскочив на месте.

— Ладно, плесни цзинь.

Сяо Фэй ожёг его презрительным взглядом.

Му Цаньшан беззвучно выругался, мысленно проклиная всё на свете, и сдался:

— Ладно, давай кувшин.

Но даже эта щедрость не вернула Сяо Фэю благодушного настроения. Впрочем, Му Цаньшан и сам был не рад. Ему живо вспомнилось, как этот непутёвый воришка, набравшись в прошлый раз, плакал у него на глазах. Стоило представить, что Сяо Фэй в те минуты тосковал по какому-то неведомому сопернику, как лицо молодого генерала становилось всё мрачнее.

Всю дорогу до постоянного двора Сяо Фэй крепился, к кувшину не притрагивался и о еде больше не заикался. Вернувшись в комнату, он тут же принялся выкладывать на стол принесённые свертки, бережно раскладывая перед приёмным нехитрую уличную снедь.

Фу Дун по-прежнему дулся.

Сяо Фэй развернул промасленную бумагу, в которую был завернут золотистый, хрустящий хворост. Отломив кусочек, он с громким хрустом отправил его в рот:

— Эх, зубок у тебя маловато, такое не разжуёшь.

Мальчуган обиженно покачался с пятки на носок, но поворачиваться не спешил.

Однако едва Сяо Фэй приоткрыл плошку с горячим, испускающим одуряющий аромат супом из потрохов, как паренёк сдался. Повернувшись, он узрел, как приёмный отец уплетает угощение за обе щёки.

Фу Дун надулся ещё сильнее, но всё же выдавил тонким голоском:

— Пап...

— Что, проголодался? — Сяо Фэй даже не поднял взгляда, но краем глаза заметил, как мальчик покаянно закивал. На лице сироты было написано такое горькое раскаяние, что сердце сжималось.

— Ладно, всё это тебе. Налетай, только жуй хорошенько, не заглатывай кусками. По дороге у меня не будет времени лекаря искать, если живот прихватит.

Сяо Фэй подвинул все припасы к приёмышу, и в тот же миг из живота мальчишки донеслось громоподобное урчание.

Фу Дун мгновенно вспыхнул до самых ушей.

— Чего засмутился-то? — хохотнул Сяо Фэй. — Будто я не знаю, как ты во сне зубами скрипишь да ветры пускаешь.

Мальчик нахмурился, собираясь возразить, но Сяо Фэй шутливо шлёпнул его по лбу:

— Ешь давай, да на боковую. Мне нужно ненадолго отлучиться.

— Куда это опять? — подозрительно прищурился Фу Дун.

— До ветру! Со мной хочешь? — Сяо Фэй прищурился.

Окинув взглядом гору благоухающих яств, Фу Дун пренебрежительно фыркнул:

— Ну уж нет, иди один. Я парень взрослый, мне провожатые по нужде не требуются!

Сяо Фэй рассмеялся:

— Ну и шельма ты.

Он незаметно взял кувшинчик с вином, упрятал его в широкий рукав, подальше от детских глаз, и спустился вниз, намереваясь всласть выпить.

Не успел он сделать и пары глотков, как со стороны лестницы донеслись шаги. Увидев спускающегося Му Цаньшана, Сяо Фэй облегчённо выдохнул.

— Не спится? — спросил он, отрываясь от горлышка. На его влажных губах играл лёгкий винный багрянец.

Му Цаньшан заворожённо уставился на эти губы и лишь спустя мгновение силой заставил себя отвести взгляд.

— Хорошо вино?

— Доброе, — кивнул Сяо Фэй. — Только на наше, из страны Верхней Ци, совсем не похоже. Сладковатое, с приятной кислинкой. Словно... хм, словно спелая слива.

— И как оно в сравнении с тем, чем тебя Шутун угощал? — глухо спросил Му Цаньшан.

Сяо Фэй сделал внушительный глоток и шумно, с наслаждением выдохнул. Он вспыхнул хмельным румянцем, сделав его похожим на подсвеченное закатным солнцем облако.

— Да разве их сравнишь? Совсем разные вещи. Небо и земля.

— Так какое же всё-таки лучше?

— Оба хороши, — Сяо Фэй слабо улыбнулся, но улыбка эта вышла какой-то натянутой. Он поспешно опустил взгляд, припал губами к бледно-зелёному горлышку кувшина и сделал глубокий глоток — да так неловко, что поперхнулся и закашлялся до слёз.

— Старший брат Сяо Фэй, не люблю я, когда ты пьёшь, — негромко проронил Му Цаньшан.

— А я вот люблю, — Сяо Фэй весело стукнул себя ладонью по лбу. — Говорят, хмель делу помеха. Да только у меня никаких дел и в помине нет, так что мешать нечему. А вот тебе и впрямь лучше поостеречься. Ты человек служивый.

— И что хорошего в этом зелье? Вкуса в нём нет, сытости не даёт, лишь разум туманит.

— Э-э, глупый ты, ничего не смыслишь! Когда хмель мягко растекается по жилам — никакая жизнь на небесах с этим не сравнится.

— Будто ты божеством побывать успел, — хмыкнул Му Цаньшан.

Сяо Фэй хмельно расхохотался и шутливо замахнулся на него рукой:

— И чего ты разворчался? Как вернулся, так прохожу мне не даёшь — то не так, это не эдак. Чистый тебе домоправитель!

Му Цаньшан оторопел. Но Сяо Фэй, похоже, сболтнул это не подумав и развивать мысль не собирался. Он снова приложился к кувшину, высоко задрав голову. Несколько капель пролились мимо губ и потекли по шее, скользя через вздрагивающий кадык прямо под воротник. У Му Цаньшана, сидевшего напротив, невольно сжались кулаки. В мыслях у него, круша всякое самообладание, вновь замелькали безумные, полные страсти образы той памятной весенней ночи.

«Верно, слишком засиделся в лагере, — попытался он успокоить самого себя. — Горячая молодая кровь бурлит, воевать сейчас не с кем, вот накопившаяся сила наружу и просится»

— Чего уставился? Не смотри на меня! — заплетающимся языком выкрикнул Сяо Фэй.

Он резко подался вперёд и бесцеремонно залепил ладонями прямо Му Цаньшану по лицу, пытаясь заслонить ему глаза. На щеках молодого генерала тут же расплылись два розоватых следа.

Опустевший кувшин выскользнул из ослабевших пальцев вора, покатился по доскам пола и со звоном забился в угол. Сяо Фэй недовольно пнул его ногой, заставив крутиться волчком, пока Му Цаньшан не остановил его точным движением сапога. Но стоило генералу опустить взгляд, как ладони Сяо Фэя вновь с громким хлопком легли на его щёки.

Сяо Фэй уставился на него мутноватым, налитым хмелем взглядом. Крепко сжав лицо генерала ладонями, он недовольно надул губы:

— Да куда ты косишься? На меня смотри!

Вздыхая от досады, Му Цаньшан принялся стаскивать захмелевшего приятеля наверх. Сяо Фэй то и дело норовил взбрыкнуть или что-то выкрикнуть, так что генералу пришлось зажать ему рот ладонью. Впрочем, стоило им одолеть крутую лестницу, как буян притих и больше не проронил ни слова.

Когда дело дошло до купания, воришка послушно, без лишних уговоров сбросил одежду, а смыв дорожную пыль, безропотно поднял руки, позволяя Му Цаньшану насухо вытереть его тело.

Уложив его наконец в постель, Му Цаньшан уже собрался перевести дух, как вдруг раздался

тихий стук в дверь. Генерал бросил быстрый взгляд на ложе: Сяо Фэй, завернувшись в одеяло по самые уши, забился к самой стене, поджав колени и смешно ворочаясь.

— Кто там? — холодно спросил Му Цаньшан.

— Куда делся мой папка? — послышался из-за двери тихий шепелявый голосок Фу Дуна. — А ну отпирай! Он ведь у тебя прячется?

— Нет его здесь, — отрезал Му Цаньшан.

— Врёшь! — пискнул мальчишка, резко повысив голос.

Опасаясь, как бы малец не перебудил весь постоянный двор, Му Цаньшан приоткрыл дверь и сердито воззрился сверху вниз на стоящего на пороге карапуза.

— Я войду! — упрямо заявил Фу Дун.

Мальчишка попытался юркнуть влево, но Му Цаньшан мгновенно преградил ему дорогу; тот сунулся вправо — но непреклонный страж караулил и там, намертво перекрыв проход.

— Сказано тебе, нет здесь твоего отца. Он ушёл гулять.

— Зачем это?

— Откуда мне знать? Наверное, проветриться решил. Возиться с тобой — тоска смертная, вот и сбежал.

— Врёшь ты всё! Папка меня любит, это вы все противные и надоедливые! — вскипел Фу Дун.

Недолго думая, малец вцепился в косяк и с поразительным проворством полез вверх, намереваясь перелезть прямо через плечо генерала. Му Цаньшан без малейшего труда поймал его за короткие пухлые ножки и стащил вниз. Однако стоило ему ослабить хватку, как ловкий сорванец скользнул у него между ног и ворвался в комнату.

Мальчик замер перед кроватью, уставившись на спящего отца. Затем он повернулся, скрестил руки на груди и уставился на возвышавшегося над ним Му Цаньшана. Он нахмурился, задумчиво потер круглый подбородок и после долгого молчания деловито произнёс:

— Ладно. Так и быть, сегодня я могу уйти спать к противному дядьке Сюй Ци.

Услышав, как малец величает Сюй Ци противным дядькой, Му Цаньшан с трудом сдержал

усмешку.

Фу Дун требовательно протянул пухлую ладошку и задрал нос:

— С тебя десять лянов серебра.

Му Цаньшан мгновенно посерьёзnel. Вздохнув, он повернулся, достал кошель и отсчитал вымогателю обещанную плату.

Спрятав монеты за пазуху, Фу Дун смешно выпятил зад и взобрался на постель. Под недовольным взглядом генерала он кое-как обнял спящего Сяо Фэя, звонко чмокнул его в щёку, после чего сполз на пол и, переваливаясь с боку на бок, гордо удалился, плотно прикрыв за собой дверь.

С крайне противоречивым чувством Му Цаньшан опустился на край постели. Проведя большим пальцем по щеке вора, он стёр мокрый след от поцелуя. Сяо Фэй сонно заворочался и перевернулся на бок.

— Старший брат Сяо Фэй, — тихо позвал он, — ты ведь спишь? Или просто пьян в стельку?

Казалось, парень уже давно провалился в беспамятство, но при этих словах он распахнул глаза.

— Не-а, — упрямо пробормотал он заплетающимся языком.

Му Цаньшан рванул на себя край одеяла и навис над Сяо Фэем, прижав его запястья к матрасу. Сквозь тонкую ткань исподнего он чувствовал жар чужого тела. Его взгляд горел первобытным, ничем не сдерживаемым пламенем.

— Коль скоро ты утверждаешь, что трезв... — прошептал он губы в губы, — пенять тебе не на кого. Сам напросился.

Сяо Фэй окончательно потерял нить происходящего. Он лишь чувствовал, как чужие губы настойчиво и сладко сминают его собственные — мягкие, живые, податливые. Повинуясь смутному порыву, вор приоткрыл рот и робко коснулся их кончиком языка.

Взгляд Му Цаньшана потемнел. Потеряв последние крохи самообладания, он скользнул ладонью под рубашу Сяо Фэя, обнял его за тонкую талию и принялся гладить выступающие позвонки, упиваясь податливостью этого тела, хмельного и нежного, разомлевшего от вина.

«Сяо Фэй был прав, — в этот миг молодой генерал окончательно уверился в своей правоте. — Никакое блаженство небожителей не сравнится с этой сладостной мукой»

Губы горели огнём, жар чужой груди проникал под кожу, заставляя забыть о ледящей тяжести привычных доспехов, о битвах и долге. Весь его мир сузился до размеров этой постели, скрытой в полумраке за пологом.

<http://bllate.org/book/18429/1868049>